

И ГОРЕЧЬ,

И НАДЕЖДА

Мела первая в эту зиму метель, и было удивительно слышать доносящиеся откуда-то из-за плотной пелены густого мокрого снега звуки духового оркестра. На первой улице Магнитки — Пионерской отмечали праздник — открытие приюта для детей.

Приют... Слово непривычное для слуха советского человека, от него веет чем-то далеким, знакомым разве что по книжкам о жизни несчастных в дореволюционной России. В нас десятилетиями воспитывали сознание, что наше общество — самое лучшее, где в принципе не может быть того, что присуще капиталистическому образу жизни: богатых и бедных, бродяг и сирот. Но где-то на задворках жизни, несмотря ни на что, всегда жили малолетние бродяжки, брошенные дети, никому не нужные старики, изуродованные природой и производством инвалиды... А общество, подобно страусу, продолжало не замечать того, что «порочит строй, уродует жизнь строителя коммунизма».

С последними переменами в нашей жизни появилась настоящая необходимость исправить этот перекос. Еще древние говорили: общество может существовать только тогда, когда в нем счастливы дети и обеспечены старики. Потому что без прошлого и будущего нет настоящего. Открытие приюта в Магнитке — шаг к пониманию этой истины.

По словам начальника управления социальной защиты населения городской администрации Н. А. Темченко, в городе сегодня более 300 детей-беспризорников. Идея создать Центр социальной реабилитации для детей и подростков воплощалась в жизнь два года. Обустроили приют всем миром, лепту внесли все крупные предприятия и учреждения города. Был назначен попечительский совет. Возглавил приют молодой и глубоко верующий С. И. Аксенов.

Рассчитанный на 35 детей, дом на Пионерской, 25 сегодня приютил 12 первых ребятшек: четырех девочек и восьмерых мальчиков. Это те, кому уютно в родительском доме из-за плохого обращения близких, кто остался без присмотра, потеряв роди-

телей, у кого мать или отец отбывают наказание в тюрьме, а старая бабушка не может справиться с внуком...

Приют для 7-16-летних детей — пристанище временное. Сколько оно может служить им домом, сказать трудно. Каждый случай требует индивидуального решения: кому-то определит попечителя или найдут приемных родителей, кого-то передадут в семейный детский дом или по состоянию здоровья направят в госучреждение... И пока решается судьба ребенка, у него есть время и место, где он может отойти от пережитого, отдохнуть от тягот неустроенности, избавиться от мыслей о своей ненужности, да и просто быть сытым и ухоженным.

На новоселье не принято приходить с пустыми руками, и гости не поскупились. Ребятам подарили телевизоры и магнитофоны, видеокамеру и фотоаппарат, краски, карандаши, книги, ковры, холодильник, средства личной гигиены... Кандидат в депутаты Государственной Думы А. Г. Чершинцев передал приюту картину.

Председатель профкома комбината В. З. Близнюк появился в приюте, как добрый дедушка Мороз: обсыпанный настоящим снегом, с перекинутым через плечо ковром. Представители ОАО «ММК» радушно пригласили воспитанников приюта бесплатно пользоваться всеми спортивными сооружениями ММК, плавательным бассейном, Ледовым дворцом. К ним присоединились и работники музея комбината.

Взрослые постарались, чтобы дети почувствовали себя в центре внимания. Отмытых от чердачной грязи и наряженных приютских ребят не отличишь от сверстников-гостей. Разве что выделялись они проявлением излишней радости по поводу многочисленных подарков да красивой и доб-

ротной одежды, в которую они были одеты.

...10-летний Миша за несколько дней пребывания в приюте стал всеобщим любимцем. У него нет матери. Глядя в эти большие серые глаза, дивясь: как можно отцу забросить такого ласкового и открытого парнишку?

Впрочем, здесь нет простых судеб. Вот семилетняя Света в красивом платьице и с огромным белым бантом в волосах. Папы нет, мама — в тюрьме. Два месяца ребенок скитался по подвалам, прежде чем попасть в приют.

Наголо стриженная девятилетняя Оля никогда в школе не училась. У нее тоже нет мамы, а папа... «Папа бил, и я сбегала», — призналась она. — Бабушка есть, но она не хочет, чтобы я жила с ней. А остригли уже здесь, потому что у меня вши были», — как о чем-то обыденном сообщила девочка.

Видному из себя Леше скоро пятнадцать. Что заставляет его постоянно убежать из дома, для меня осталось тайной. Первому встречному он душу не открывает, разговаривает со взрослыми с насмешкой. Чувствуется, что у него это — способ защиты. А в разговоре с ребятами — сплошной мат. Причем употребляет его обыденно, без всякой злости, как бы для связки слов.

Еще один Алеша. Ему 12 лет, а выглядит на восемь. В кармане рубашки открыто лежит пачка сигарет.

— Куришь?
— А чо такого? У нас все курят. Блин, а что делать в этом изоляторе?

— В каком таком изоляторе? — спрашиваю его.

— Да мы с моим соседом Женькой в этой комнате вдвоем живем. У нас — чесотка.

— Леш, почему сбегаете из дома? Отец-то, наверное, лупит за это?

— Когда сам возвращаюсь домой, не лупит, а когда он ищет и находит меня, тогда лупит, конечно. Я здесь буду жить. Мне нравится. Вырасту, 16 лет будет, на шофера выучусь, деньги буду зарабатывать. Или строителем буду: дом себе построю. А курить придется бросить. Я обещал воспитателю: покурю эту неделю, а потом брошу.

Приют оставил двоякое чувство: радость, что Магнитка озабочена судьбами неустроенных детей, и горечь, что вынуждена делать это. Не должно быть таких учреждений, не должно быть таких родителей, которые вынуждают детей бродяжничать.

Пожелаем воспитанникам приюта стать достойными людьми, найти свое место в жизни.

Н. БАРИНОВА.

Фото В. МАКАРЕНКО.

Тяжкая доля перекасти-поля

Товорят, жизнь прожить — не поле перейти. Но есть люди, которых ветер несет по жизни, подобно сорной траве: лишь на минуту зацепится за тонкий кустик — и дальше. Благо, если прибудет иссохшую былинку в тихую пристань. А иначе так и носится без покоя в сердце. И конец один — людское забвение.

...Давно это было. Еще в тридцатые годы. Были в семье три сына, дочь глухонемая. Были отец и мать — трудяги, каких на Магнитке тысячи. Было, да было — в годы войны умер от непосильного труда. Двое старших ребят сгинули в недрах колючей Колымы. А младшему Кольке вместо учебы в школе — работа с двенадцати лет... Так начиналась жизнь нашего героя. Вы, наверное, его встречали на улицах города? За душой — ни кола, ни двора, только водка проклятая, вонь сливных колодезев и затхлость чердаков. Редкий отважится такого назвать человеком: крепко вцепилась собачья кличка — бомж.

Может, кому словечко это и говорит об отсутствии у человека места жительства. Мне же за этим словом другое слышится: беглец от мира живущих. «От кого убежал? — вздыхает мой герой: шапка на глаза — чтобы стариковских слез не заметили. — Только и осталось, что вон та звезда мигучая на закате. Бог там живет. Только он один и ведает, что со мной творится. И один он прощает». Сколько ни мотало Николая Ивановича по свету, звезду эту везде видел — и в Средней Азии, и в Мурманске, и на берегах Волги. Летел самолетами, ехал поездами, даже на «олешках» пытался догнать он этот огонек за горизонтом. Не разогоралась звездочка ярче... А по пути сиротство сеял — где-то в Ижевске дочка выросла, внуки деда не знают — да и сам сиротой вернулся в свой город.

— О жизни я другое знаю, не то что вы, — в уголок голубого прищуря набегает темная туча. — Таких, как я, по улицам много бродит. Меня в городе редко кто узнавал. А признавали — словно от нечистой силы открещивались. Шесть лет назад как вернулся калекой, к сестре подался. Запились они с мужем. Сейчас, поди, уж и квартиры-то у них не стало — я много таких ребят встречал, кто под мосты забирался после того, как за ящик водки свои законные метры отдавал. Сестрица поначалу обрадовалась: калека в доме — это верный кусок хлеба, деньги какие-никакие. А мне надоело: сколько можно шапку на улице снимать? Человек же я все-таки. Ушел. У меня и мать жива, ей уж, наверное, девяносто годков. К ней не пошел. Молодым был не нужен, дряхлый ей зачем?

...В первый раз парализовало Николая Ивановича, еще когда он не бездомничал. Арматурщиком на стройке был. Ребята прямо со стройплощадки в больницу отвезли. Медики помогли: выкарабкался. А во второй — прямо с поезда недалеко от Куйбышева сняли. На этот раз все куда серьезнее было: по левой стороне ударило. Отвалился еще и в куйбышевской больнице положенный срок. Вышел с клюшкой и костылем. Проводили его домой. А кто здесь ждет?

От такой «нежизни» иной давно бы уже обзвонился. Слышали, недавно в одном из листопрокат-

ных цехов бомж рабочего искушал? Да тут не только кусаться, волком выть начнешь.

— Нет, нельзя на весь белый свет сердчать, — утверждает Николай Иванович.

На своем запутанном, сквозняковом пути встречал он много людей добрых, отзывчивых: По сей день помнит всех, по батюшке величает. О других упоминает вскользь: был в первый раз женат, сейчас уж и не помнит, как ее звали: то ли Светой, то ли Людой. На нее он уже не в обиде. Но к тому, чтобы превратился некогда веселый парень, танцор и певун — «на эстраде выступал» — в падшего человека, и она приложила свою руку. Не сетует и на тех, кто нет-нет да ткнет в лицо горький упрек: бомжатник.

— За что обижаться? Сам себе жизнь такую сделал. Утрусил от плевка и дальше жить продолжаю. Нет, я теперь не чифирю и горькую не пью. Бывает, раз в три-четыре месяца пойду, куплю бутылку, сяду за кусты и давай поминки по своей жизни справлять. Так и топло душевнее, пока моя звездочка не засветит.

Ну вот и приблизились мы к счастливому финалу этой печальной истории. Живет теперь Николай Иванович новой жизнью. То ли повезло человеку, то ли стремление к человеческому взяло верх. Нескольким лет назад «прижился» он в одном из прокатных цехов комбината: подметет, поднесет что-нибудь рабочим. Они ему за это поест давали. А потом все так привыкли к присутствию седовласого калеки, что стало цеховикам без него совсем не просто обходиться.

— И предложили мне, старому, в цех на работу поступить. Угол для жилья наши. Теперь у меня здесь все: и дом, и работа. Даже телевизор есть, там, правда, сейчас лампа сгорела. Да и мне особото некогда в него смотреть.

Работы у Николая Ивановича — непочатый край. Дорожки подмести, зимой — от снега очистить, где-то подежурить, в цехе прибраться, на автостоянке присмотреть. Часов по двадцать в сутки трудится, словно за все свои годы стосковался по настоящей работе. Однако никакого нарушения КЗОТ Николай Иванович в этом не усматривает:

— Я теперь белым человеком стал. Вот тут в пропуске фамилия моя написана, имя полностью. Еще есть у меня всякие там карточки — кредитная и пищевая, — он с гордостью демонстрирует свои «богатства». — Питаюсь в столовой. Нравится: я мясного почти не ем, а здесь всякой растительности в достатке. Два костюма имею, обувь приличную. Правда, ходить «при параде» вроде некуда. Да и не хочется — тут у нас хорошо, особенно летом, даже яблони-дички растут. Я теперь так понимаю: буду работать — буду жить.

Пару лет назад, когда начальник цеха отправлялся по служебным делам за границу, наказал он прилюдному дяде Коле побриться и постричься — борода в то время у нашего героя была почти до пояса. Приехал руководитель — не узнал «сына цеха». Таким его и запечатлели на пропуск.

— А в зиму обычно бороду отпускаю. Все время на улице: щекам холодно. Сейчас вот, погоди немного, опять бородатым до весны стану.

Но даже при бороде не будет уже у моего героя и тени прежней убогости. По-новому зажил человек, по-людски...

Что будет с Николаем Ивановичем дальше? Время покажет. Как сам говорит: лишь бы шлея под хвост не попала. Но пока отыскалась и для «перекасти-поля» тихая пристань.

Т. ТРУШНИКОВА.

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

